

Я. Н. ЛЮБАРСКИЙ

ПСЕЛЛ В ОТНОШЕНИЯХ С СОВРЕМЕННОКАМИ*

(Опыт характеристики личности)

На протяжении сравнительно недолгой истории изучения личности и творчества Пселла писатель успел заслужить самые противоположные и взаимоисключающие оценки. «Пселл — человек без чести и совести, худшее порождение византизма», — утверждали одни. «Свободная артистическая натура, лишенная предрассудков, чьи недостатки с лихвой окупаются достоинствами», — оценивали его другие. «Богобоязненный христианин и теолог», — считали третьи. Разнобой в мнениях породил среди части исследователей скептицизм в отношении самой возможности проникнуть в природу «человека-Протоя», «личности, лишенной внутреннего ядра», «отливающего разными красками» Пселла¹.

Априори можно предложить несколько методов изучения личности и мировоззрения выдающегося византийца. В настоящей работе используется только один из них: Пселл рассматривается в многообразных отношениях со своими современниками. Выбор метода не случаен. Именно в связях с окружающими людьми (личных и общественных, первые постоянно переходят во вторые и наоборот) реализует и проявляет вове человек свою сущность. Исследование такого рода, довольно обычное для литератур нового времени, в применении к писателям древним и средневековым почти не проводилось, как видно, из-за скудности материала. Пселл в этом отношении — счастливое исключение, эпистолярное наследие, оставленное им, огромно.

Корреспонденция Пселла давно и активно используется учеными для восстановления биографии писателя, реконструкции различных деталей общественной, частной, религиозной и государственной жизни византийцев XI в. И вместе с тем эти письма и поныне — нераспечатанное богатство: к ним обращаются за частными сведениями, но никогда еще их не рассматривали как единое целое².

* Настоящая статья представляет собой попытку систематизации и обобщения материала и выводов ряда наших работ, посвященных этой теме: «Пселл в отношениях с современниками (Иоанн Мавропод, Иоанн Ксифилин, Константин Лихуд)». — ПС, 23, 1971; «Пселл в отношениях с современниками (Пселл и фемные судьи)». — «Revue des études sud-est européennes», X, 1, 1972; «Михаил Пселл и Михаил Кируларий». — «Klio», 54, 1972; «Пселл в отношениях с современниками (1. Михаил Пселл и Лев Параспондил. 2. Михаил Пселл и Дуки)». — ВВ, 34, 1973; Пселл в отношениях с современниками (Пселл и семья Кирулариев). — ВВ, 35, 1974; «Византийский монах XI в. Илья». — АДСВ, 10, 1974.

¹ См. Я. Н. Любарский. Михаил Пселл. Личность и мировоззрение. Проблемы и итоги изучения. — ВВ, 30, 1969, стр. 87 сл.

² Существуют две попытки общей классификации эпистолярного наследия Пселла. Обе они были, однако, предприняты до появления издания Курца — Дрексля (*Michaelis Pselli scripta minora*, ed. E. Kurtz, F. Drexler (далее — Scr. min.), II. Milano, 1941), содержащего около половины всех известных писем (B. Rhodius. Beiträge zur Lebensgeschichte und zu den Briefen des Psellos. Progr. Plauen, 1892; K. Müller. Epistolografie Michaela Psella. — «Listy filologicke», 36, 1909). Как Родийс, так и Мюллер классифицируют послания по положению их адресатов.

Между тем внушительное эпистолографическое собрание (около 500 опубликованных писем)³, дополненное многочисленными речами, — настоящая «человеческая комедия» Византии XI в. Уже простое перечисление адресатов и героев писем и речей Пселла, сгруппированных по их рангам, должностям, социальному положению и интеллектуальному уровню, могло бы показать грандиозность картины, отразившейся в «малых сочинениях» писателя. Из 12 царствовавших особ, на время правления которых приходилась сознательная жизнь Пселла, адресатами его писем были 8. Из пяти константинопольских патриархов трое (Михаил Кируларий, Константин Лихуд, Иоанн Ксифилин) находились в переписке с писателем. Из высших чиновников государственных приказов и императорского двора получателями писем Пселла были: протасикрит, логофет дрома, протонотарий дрома, «министр» юстиции (ὁ ἐπὶ κρίσεως), «министр» по делам прошений (ὁ ἐπὶ τῶν δεήσεων), логофет геникона, протовестиарий, сакеларий, хранитель императорской чернильницы (ὁ ἐπὶ τοῦ χαυκλείου), управляющий императорским имуществом (ὁ ἐπὶ τῶν οἰκείων), великий эконоμ, ливелисий, остиарий, великий друнгарий и др. Среди адресатов Пселла — носители высших титулов византийской табели о рангах: кесарь, куропалат, протопроэдр, проэдр, магистр, вестарх, вест, патрикий.

Немало писем Пселла шло на периферию империи к провинциальным властителям, духовным и светским. Судьям 16 фем и областей направлял свои послания писатель⁴. Патриарх Антиохии (скорее всего, Эмилиан), митрополиты и епископы Амасии, Кизика, Эфеса, Мелитины, Никомидии, Евхаит, Парнаса получали послания столичного писателя. Двигаясь ниже по иерархической лестнице, следует упомянуть среди корреспондентов игуменов, архимандритов, настоятелей монастырей и т. д. Наконец на самой нижней ступени этой иерархии находятся бесчисленные монахи, нотариусы, безымянные родственники и люди разных состояний (среди них даже музыкант), которых Пселл за редким исключением даже не удостоивает писем, но которые присутствуют в его корреспонденции в качестве объекта ходатайств и просьб. И только один слой византийского общества представлен относительно бедно в эпистолярном наследии писателя — воинское сословие⁵.

Это эпистолографическое богатство нуждается в освоении, и прежде всего классификации. Последняя может быть произведена по разным принципам, из которых следует выбрать наиболее рациональный. При всем разнообразии положений и функций адресатов классифицировать письма по этому принципу нецелесообразно, уже хотя бы потому, что в продолжение переписки, длившейся иногда десятилетия, корреспонденты успевали проделать почти весь *cursus honorum*, перейти из светского звания в духовное, стать чуть ли не «первыми министрами» и попасть в опалу.

³ Письма Пселла, помимо уже цитированного нами издания Курца—Дрексля, опубликованы: *Bibliotheca graeca medii aevi*, ed. Sathas (далее — *Bibl. gr.*), V. Paris, 1876; *Psellos. De operatione daemonum*, ed. J. F. Boissonade. Nürnberg, 1838 (далее — *De oper. daem.*, перепечатано — PG, t. 122); *Th. L. F. Tafel. De Thessalonica eiusque agro dissertatio geographica*. Berlin, 1839 (перепечатано — PG, t. 122); *Ch. E. Ruelle. Rapports sur une mission littéraire et philologique en Espagne*. — *Archives des missions scientifiques et littéraires*, III-e série, t. 2, а также: BS, 12, 1951, p. 51—52; «Γρηγόριος Παλαμάς», 8, 1924, с. 279—281 (нам недоступно). Ряд писем Пселла поныне остается в рукописи, см. о них: *J. Darrouzes. Notes d'épistolographie et d'histoire des textes*. 2. Les lettres inédites de Michel Psellos. — REB, t. 12, 1954; *P. Canart. Nouveaux inédits de Michel Psellos*. — REB, t. 25, 1967; *G. Weiß. Forschungen zu den noch nicht edierten Schriften des Michael Psellos*. — *Byzantina*, 4, 1972.

⁴ См. Я. Н. Любарский. Пселл и фемные судьи, стр. 17, прим. 2.

⁵ На фоне огромного множества гражданских чиновников можно назвать только единичных лиц воинского сословия, которым Пселл посвящает свои произведения или адресует письма. См., например, монодию некоему Николаю (Scr. min., I, p. 216—219), письма Катакалону Кекавмену (Scr. min., II, № 30, 41, 59, см. о них: Г. Г. Луттавин. Три письма Михаила Пселла Катакалону Кекавмену. — *Revue des études sud-est européennes*, VII, 3, 1969), Далассину (Scr. min., II, № 264) и некоторые другие.

Таким образом, письма, направленные одним и тем же лицам, попали бы в разные рубрики. Такая классификация, весьма полезная, например, в исследовании состава господствующего класса Византии XI в., оказалась бы непригодной в работе, предмет которой — личность автора писем.

Можно было бы предложить и иной — литературно-типологический принцип классификации. К XI в. письмо уже давно превратилось в один из жанров риторической прозы. Реальные чувства и мысли эпистолографа укладывались в определенные, восходящие к античности типы или жанры писем⁶.

Такая классификация не представляет трудностей, поскольку подавляющее большинство писем Пселла идеально подходит под какой-либо из 21 типа, предусмотренных еще в трактате *Περὶ ἐπιτηρείας*, приписывавшемся Деметрию Фалерскому и давшем начало большинству позднейших письмовников. Но и это подразделение — универсальное, всеобъемлющее и потому в принципе пригодное для любой эпистолографической системы — могло бы помочь исследованию эволюции жанра, но никак не раскрытию образа эпистолографа. Между тем любая классификация, а она всегда по необходимости относительна и одностороння, обязана быть целесообразной, т. е. соответствующей задачам конкретного исследования.

Однако возможно ли вообще разглядеть авторское «я» византийского писателя за набором риторических клише и выражениями стандартизованных чувств, столь обычных для писем этого периода? Немало исследователей нового времени вынуждены были давать на этот вопрос категорически отрицательный ответ. «К сожалению, по сохранившимся письменным источникам, — пишет Г. Литаврин, — мы можем судить скорее не об объеме чувств и мыслей, а о степени образованности отдельных представителей византийского, как правило, привилегированного общества. . .»⁷. Между тем уже античная теория эпистолографии не только положительно отвечает на поставленный вопрос, но и настойчиво требует от писателя самовыражения. «Письмо, — замечает автор уже упомянутого трактата, — должно быть самым полным выражением нравственного облика человека (τὸ ἠθικόν), как и диалог. Ведь каждый, кто пишет письмо, дает почти что изображение своей души»⁸.

Михаил Пселл полностью примыкает к этой традиции. «Как икона в красках представляет одухотворенный образ прототипа, так твое письмо рисует тебя», — хвалит Пселл куратора Кипра (Scr. min., II, p. 185.12—13). Не столько важны красоты стиля, сколько «свидетельства характера пишущего», — обращается писатель к патриарху Антиохии, видимо, мало искушенному в искусстве риторической эпистолографии (Scr. min., II, p. 117.19—22). Письменная речь, по мнению Пселла, отражает врожденные свойства автора даже лучше, чем речь устная (Bibl. gr., V, p. 242—243).

Не следует понимать эти откровения буквально. Искушенный во всех риторических тонкостях, византийский эпистолограф никогда не позволит себе раскрыться полностью в письме или даже серии писем одному адресату. Следуя универсальному в риторике принципу τὸ πρέπον, он, напротив, приспособит не только слог, но и строй мыслей и чувств к адресату, проявляя тот самый «протеизм», который издавна считался одной из основных добродетелей истинного оратора. По иным письмам можно легче судить о характере их адресата, нежели автора. Тем не менее пределы

⁶ Литература, трактующая о стандартах византийской и особенно античной эпистолографии, очень велика. Из последних работ см. *H. Koskenniemi. Studien zur Idee und Phraseologie des griechischen Briefes bis 400 n. chr.* Helsinki, 1956; «Античная эпистолография». М., 1967; *K. Thraede. Grundzüge griechisch-römischer Briefftopik.* München, 1970; *G. Karlsson. Idéologie et cérémonial dans l'épistolographie byzantine.* Uppsala, 1962; *N. Tomadakis. Βυζαντινὴ Ἐπιστολογραφία. Ἀθήναι*, 1969—1970. Литературу вопроса см. *В. А. Сметанин. Эпистолография.* Свердловск, 1970.

⁷ Г. Г. Литаврин. *Советы и рассказы Кекавмена.* М., 1972, стр. 61.

⁸ Цит. по: «Античная эпистолография», стр. 7—8.

видоизменения и приспособления византийского эпистолографа не бесконечны. Являясь каждый раз в новом обличье, он не просто меняет маску, а и на деле реализует какую-то частицу своего «я», всякий раз генерализируя и выдавая за облик в целом какую-то из сторон своей личности. Процесс этот, как правило, двусторонний: автор не только «делает себя» под адресата, но и «приспосабливает» к себе его облик. Адресаты — вернее, их образы в его письмах — в какой-то степени оказываются объективацией отдельных черт его характера. Явление это осознается и самим писателем. Так, в одном из писем (Bibl. gr., V, № 176), обращенном сразу к трем лицам и потому представляющем для эпистолографа понятные трудности, Пселл обеспокоен тем, что ему придется приворавливаться сразу к трем разным характерам. Его задача, впрочем, облегчается тем, что сам он, как ему кажется, объединяет свойства всех трех адресатов (ἐκδοσφ ὁμῶν οὐτω διηρημένον συνηρμοσμένος εἰμί. — Bibl. gr., V, p. 453,3—4).

Вникнуть в образы возможно большего числа корреспондентов писателя, проследить отношения, выяснить, где это важно, причины симпатий и антипатий — значит в определенной мере понять внутренний мир Пселла: скрытый в каждом отдельном послании образ эпистолографа должен достаточно отчетливо предстать из всей переписки в целом.

Из приведенных предпосылок вытекает и предложенный нами принцип классификации писем: они разбиваются по адресатам, а сами адресаты, как правило (есть и неизбежные исключения!), группируются не по «формальному» положению в обществе, а по своему «интеллектуально-нравственному» типу. Этот принцип уступает другим в четкости, но весьма удобен для целей настоящей работы: в письмах к каждой из групп адресатов, предполагаем мы, раскрывается какая-то частица души самого Пселла.

* * *

Значительную роль в жизни, судьбе и переписке Пселла играли друзья его юности: Иоанн Мавропод, Иоанн Ксифилин и Константин Лихуд. Духовные лица во второй половине своего жизненного пути, они в молодости составляли кружок придворных интеллектуалов, деятельность которого немало способствовала византийскому просвещению XI в. Глубокую привязанность к Мавроподу и Лихуду, несмотря на временные размолвки, Пселл сохранял до конца дней. Общие интеллектуальные интересы, культ бескорыстной дружбы, глубокое уважение к науке и «слову» — таковы основные отличительные черты этих связей. Члены кружка испытывали чувство интеллектуального превосходства над окружающими, ощущали себя островком в «море невежества» (выражение самого Пселла), и это ощущение делало связи внутри кружка еще более крепкими. Пселл, Мавропод и Лихуд при всей разнице характеров и темпераментов оставались друзьями и единомышленниками на протяжении десятилетий. Напротив, отход Ксифилина от взглядов и представлений юности сделал этих людей к концу жизни почти врагами ⁹.

В «море невежества», окружавшем Пселла, были и другие островки. В одном из уже упомянутых писем (Bibl. gr., V, № 176) ¹⁰ Пселл объединяет четырех лиц. Трем из них письмо направлено, четвертый только упоминается. Всех четверых (это протасикрит, ливелисий, ὁ ἐπὶ τῶν

⁹ Подробно отношения Пселла с Мавроподом, Ксифилином и Лихудом рассматриваются нами в статье «Пселл в отношениях с современниками (Иоанн Мавропод, Иоанн Ксифилин, Константин Лихуд)».

¹⁰ Письмо датируется, скорее всего, весной 1069 г. Написано оно из Кесарии, откуда Пселл собирается возвращаться назад (в Константинополь), в то время как адресаты продолжают «военной дорогой» двигаться вперед. О путешествии в Кесарию и обратно писатель сообщает также в неопубликованном письме к Константину Кируларию (*G. Weiss. Op. cit., S. 30*). Речь идет о втором походе Романа Диогена против сельджуков. Император останавливался тогда в Кесарии, и его сопровождал Пселл (*Michael Psellos. Chronographie, éd. E. Renauld, 2. Paris, 1926—1928, p. 161.13*).

δεήσεων и человек по имени Хирсфакт) объединяют тесные связи. Свидетельство этому — как упомянутое послание, так и тот факт, что в одной из рукописей (Cod. Laurent., 5740, f. 71—72) друг за другом следуют четыре письма (Scr. min. II, 146—149), трактующие об одном и том же предмете (просьба помочь некоему человеку из Гордиаса) и адресованные — кроме одного — этим уже знакомым нам по «коллективному» письму лицам. Ливелисия, известного из Bibl. gr., V, № 176, среди получателей писем нет, зато добавляется некий носитель титула *ὁ ἐπὶ κανικλείου*. Протасикрит назван в этом случае по имени — Аристин. Датировать эти письма трудно¹¹, без сомнения только, что их получатели — друзья: послания одним и тем же или связанным друг с другом лицам в рукописи нередко помещаются рядом. Последний аргумент дает основание и для другого заключения. В парижской рукописи следуют друг за другом два близких по содержанию послания, обращенные одно — к вестарху и *ὁ ἐπὶ κανικλείου* Василию (Bibl. gr., V, № 88), другое — к *ὁ ἐπὶ τῶν δεήσεων*, Льву Патрскому (Bibl. gr., V, № 89). Вновь носители этих двух титулов оказываются адресатами смежных писем¹². В этом случае они уже названы по именам. Речь, конечно, идет об уже знакомых нам лицах.

Перечислив и выяснив имена членов кружка, можно попытаться ближе охарактеризовать этих людей.

Х и р о с ф а к т. Не совсем ясно, о каком Хирсфакте должна идти речь. У Пселла упоминаются еще три человека с таким именем: магистр и протонотарий дрома Евстратий¹³ и Михаил Хирсфакт с сыном (Scr. min., II, N 243). Не исключено, что имеется в виду и какое-то четвертое лицо¹⁴. Хирсфакт — ритор (Scr. min., V, p. 455, 16), видимо, учен: его имя писатель вспоминает, беседуя с мудрыми людьми — *ἐν ὁμιλίαις σοφῶν* (Scr. min., II, p. 173.11), хотя и не считает свой слог достаточно изысканным для эпистолярного общения с Пселлом.

Л и в е л и с и й. Об этом персонаже известно очень мало. В «коллективном» письме Пселл считает основным его достоинством *χάρις* — «приятность» (Bibl. gr., V, p. 453, 4.20). Возможно, он идентичен ливелисию по имени Иоанн, которому Пселл посвятил неопубликованное сочинение о значении 24 букв алфавита¹⁵.

Ὁ ἐπὶ τοῦ κανικλείου Василий¹⁶. Василия связывает с Пселлом старинная дружба (*παλαιὸς σύνδεσμος*). Одно из писем направлено было Василию в период, когда тот отправился с какой-то военной экспедицией (Романа Диогена? — Bibl. gr., V, № 28), другое письмо написано в связи с принятием монашества или уходом Василия в монастырь (Scr. min., II, № 103). Наиболее интересное для характеристики этого человека — письмо Scr.

¹¹ Возможно, что *terminus post quem* для них — 1055 г., время принятия монашества Пселлом. В одном из писем (Bibl. gr., V, № 131), где писатель также ходатайствует за *ὁ Гордиасοῦ*, говорится о продуктах, которые ему прислал адресат и которые ему не годны. Не по причине ли монашества? Из самих писем можно понять, что Пселл находится в опале и вдали от императора, в то время как его адресаты пользуются царскими милостями (Scr. min., II, № 146, 148).

¹² В обоих случаях, подписывая письма, Пселл называет себя вестом. Означает ли это, что послания следует датировать временем Константина Мономаха, в конце царствования которого писатель обладал уже следующим чином вестарха?

¹³ Bibl. gr., V, № 124 и Cod. Paris. 1277, f. 270—271; — P. Canart. Op. cit., p. 60, № 124.

¹⁴ Вейс (G. Weiss. Op. cit., S. 30, Anm. 72) идентифицирует этого Хирсфакта, с павшим при Манцикерте протасикритом Хирсфактом, упомянутым Атталиатом. Можно пойти и дальше Вейса, отождествив с ним судью Кивериотов, бывшего протонотария дрома, адресата письма Bibl. gr., V, № 171. Характер обрисовки этого лица и стиль его отношений с Пселлом, дают, казалось бы, все основания для такого отождествления. Однако из-за отсутствия формальных критериев — единственно решающих в данном случае — воздержимся от подобных утверждений.

¹⁵ G. Weiss. Op. cit., S. 13, Anm. 9.

¹⁶ Н. Дюэ совершенно произвольно ассоциирует этого Василия с другим корреспондентом Пселла — Василием Малеси (N. Dugé. Un haut fonctionnaire byzantin du XI-e siècle: Basile Malésès. — REB, XXX, 1972; ср. возражения: BS, 34 (2), 1973, p. 219).

min., II, № 146: Василий, говорится там, сладостен своей речью, остер умом, верен в дружбе. Пселл клянется, что не забыл «тех застольных речей и сладостных бесед и игр, которые они вели друг с другом» (p. 172.7—10).

Ὁ ἐπὶ τῶν δεήσεων Лев Патрский. Из писем Bibl. gr., V, № 89, 176 можно понять, что и Лев принадлежал к числу интеллектуалов и, по всей видимости, был учеником Пселла. У нас нет достаточно строгих оснований, но вполне вероятно, что Льву было направлено и весьма интересное письмо Bibl. gr., V, № 12, адресованное ὁ ἐπὶ τῶν δεήσεων и тому же ученику Пселла. Пселл ранее, видимо, подшутил над адресатом, намекнув на какие-то изъяны в его внешности; тот, обидевшись, ответил писателю ругательным письмом, порицая характер Пселла. Последний, однако, решил не обострять конфликта и убеждает своего ученика в допустимости безобидных шуток. Любопытно, что в «коллективном» письме прекрасный психолог Пселл считает начальника ведомства прошений человеком замкнутым (его отличительная черта — τὸ ἐπιστράφει πρὸς ἑαυτὸν. — Bibl. gr., V, p. 4—5), что вполне согласуется с неумением адресата Bibl. gr., V, № 12 понимать шутки.

Протасикрит Аристин. Наибольшее число писем сохранилось к Аристину, переписка с которым длилась долгие годы (Scr. min., II, № 67, 94, 111, 148, 224 и неопубликованное Cod. Paris., 1277, f. 268—269¹⁷ Аристин — ученик Пселла¹⁸. У Пселла же впоследствии обучался и его сын (Scr. min., II, № 224). Аристин носил титул вестарха, был по какой-то причине удален из Константинополя и из изгнания обращался к писателю с просьбами о заступничестве перед императором (Scr. min., II, № 67). Между Пселлом и Аристином все время поддерживаются отношения изысканной *φιλία*, друзья оказывают взаимные услуги и обмениваются письмами, исполненными рафинированной учености и красноречия.

Лица, о которых шла речь, — очень различные по своему характеру (ἥθος). Их несхожесть отмечает сам Пселл в письме, адресованном трем из пяти членов этого дружественного союза: «У каждого из вас собственный тип характера, несходный с другими» (Bibl. gr., V, p. 452. 11—12). Тем не менее, продолжает писатель, эти люди «объединены одним духом» (οἱ διὰ μιᾶς γνώμης ἐνίσαντες. — Bibl. gr., V p. 452. 6) и их различие — различие в тождестве (Bibl. gr., V, p. 452. 17—18). Общее, что их объединяет, — «согласие и единодушие во всем прекрасном и рвение ко всяческой мудрости и разуму» (p. 452. 18—19). Внутри этого кружка, равно как и в отношениях его членов с Пселлом, присутствует тот же комплекс «ученой дружбы», который ранее объединял содружество Пселла, Мавропода, Лихуда и Ксифилина.

Кружок этот, хотя в него входят весьма высокопоставленные чиновники, существовал на несколько более «низком» уровне, нежели первый. Его участники — уже «второе поколение» интеллектуалов. Двое из них — наверняка ученики Пселла. Писатель для них — уже нечто вроде метра, наставляющего и иногда журящего более молодых коллег.

Фрагментарность и нарочитая затемненность содержания сохранившихся писем не позволяют с достаточной определенностью говорить о других кружках, но стиль отношений, названных нами «интеллектуальной или ученой дружбой», поддерживается Пселлом с рядом корреспондентов. Среди них — называем лишь некоторых — куропалат Ясит, один из многих, «уши которого открыты для звука слова» (Bibl. gr., V, p. 437. 10)¹⁹,

¹⁷ P. Canart. Op. cit., p. 67, N 13; G. Weiss. Op. cit., S. 31. Письма с леммой «протасикриту» без указания имени мы не имеем основания однозначно относить к Аристину, поскольку у Пселла упоминается и другой протасикрит — Филарет.

¹⁸ G. Weiss. Op. cit., S. 31.

¹⁹ Сохранились два письма к Яситу (Bibl. gr., V, № 171; Scr. min., II, № 6). Кроме того, Ясит упоминается в двух неопубликованных письмах: к Константину Кирулярию (G. Weiss. Op. cit., S. 70) и Евстратию Хиросфакту (ibid., S. 30, Anm. 32;

великий эконо́м, воспитанный в науках (Bibl. gr., V, p. 266.14), ости́арий и протоно́тарий дро́ма Иоа́нн, которого с детских лет связывает с Пселлом «согласие и единодушие» (Bibl. gr., V, № 125), поэт Малеси, соученик Пселла Николай Склир, ученик Пофос²⁰ и др.

Среди второго «пласта» друзей и учеников писателя видное место занимают Константин и Никифор, племянники знаменитого патриарха Михаила Кирулария, с которым Пселл поддерживал длительные тесные связи и интенсивную переписку. Красной нитью в посланиях бывшего наставника проходит мотив особого духовного родства, которое связывает его с воспитанниками. Родство это базируется на «идейных» основаниях: они единомышленники в своей преданности и любви к «науке» (этим словом мы очень нехотко передаем античное и византийское понятие λόγος, под которым следует понимать всю систему культуры и образованности того времени с определенным светским оттенком). Вместе с тем в этой части корреспонденции Пселла ярче, чем в других случаях, проявляются и другие черты. Прежде всего это подчеркнутый взаимный интерес к эстетической стороне как житейских, так и духовных ценностей. Во-вторых, почти непреходящий интимный тон посланий, которые Пселл направляет адресатам. В-третьих, это тот тип отношений, который с некоторой натяжкой можно назвать «эпикурейско-горацианской» дружбой, включающей в себя признание спокойных радостей жизни, интимное товарищество, умение ценить шутку²¹.

О том, что эти новые черты в письмах — не случайность и не просто результат приспособления к адресату риторически образованного автора, свидетельствуют отношения Пселла с известным вельможей, авантюристом и жуиром, братом императора Константина X — кесарем Иоанном Дукой (интенсивная переписка относится к 60-м годам). Значительная часть писем — изысканные риторические безделушки с минимальной информационной нагрузкой. Корреспонденты чрезвычайно ценят эту эпистолографическую связь, Дука даже коллекционирует письма партнера. Придерживаясь весьма высокого мнения об образованности друг друга, они особенно внимательны к эстетической стороне «учености» и потому нередко превращают свои послания в эстетическую самоцель. Для их отношений — весьма близких и даже интимных — характерна терпимость и готовность простить недостатки, которые им представляются не столько подлежащим непременно осуждению отступлением от торжествующей нормы, сколько слабостью, вызывающей снисходительную улыбку. Отсюда в этих письмах легкая ирония и самоирония, вообще свойственная тому стилю отношений, который мы условно назвали «эпикурейско-горацианской» дружбой²².

Каждый новый корреспондент и обращенные к нему послания расширяют в нашем представлении диапазон личности Пселла. Иногда эта роль выпадает на долю не только адресата, но и героя писем писателя. Весьма интересной фигурой в этом смысле является монах Илья, упоминаемый в десяти посланиях. Илья — одна из наиболее колоритных личностей в истории XI в.²³ В доме Пселла этот незнатный и небогатый человек выполняет функции готового ко всем видам услуг полушута, полуслуги. Основное свойство его натуры — низменность. Бренное тело этого обжоры и волокиты постоянно берет верх над не очень сильными духовными порывами. Илья, однако, сложнее, чем может показаться с первого взгляда. Склон-

P. Canart. Op. cit., p. 60); Ясит входил в окружение Евстратия Хирсофакта. Если последний идентичен упомянутому нами выше Хирсофакту, то Ясит также находился в сфере кружка Аристина и его товарищей.

²⁰ О Пофосе см. *P. Levy*. *Michaelis Pselli de Gregorii Theologi caractere iudicium*. Lipsiae, 1912, S. 29—35; о Малеси см. *N. Duge*. Op. cit., ср. *Я. Н. Любарский*. Пселл в отношениях с современниками («Пселл и фемные судьи»), стр. 20, 23, 24.

²¹ Подробно об отношениях Пселла с братьями Кирулариями см. *Я. Н. Любарский*. Пселл в отношениях с современниками (Пселл и семья Кирулариев).

²² Подробно об отношениях с Иоанном Дукой см. *Я. Н. Любарский*. Пселл в отношениях с современниками (2. Михаил Пселл и Дуки), стр. 83—87.

²³ Подробно см. *Я. Н. Любарский*. Византийский монах XI в. Илья.

ный к лицедейству монах, скорее всего, сознательно играет роль шута, в которую низменность пристрастий входит как обязательный компонент. Любопытно отношение к монаху писателя. Для его характеристики Пселл находит самые высокие слова, не останавливаясь даже перед тем, чтобы сравнить своего героя с Платоном. Одаренность, житейская опытность, живой нрав, актерский талант делают Илью незаурядной личностью. В фигуре этого человека находит выражение то взаимопроникновение «верха» и «низа», которое было столь характерно для средневекового, в частности византийского, мышления ²⁴.

То, что человек типа Ильи оказался в сфере притяжения и объектом горячих симпатий утонченного интеллектуала и первого философа империи, может показаться неожиданным. Натура Пселла оказывается шире и многообразней, чем можно заключить даже из его собственных деклараций. Почти болезненное увлечение лицедейством, интерес к изнанке человеческой природы и сфере «низменного» — такие же отличительные черты писателя, как его интеллектуализм или эпикурейские тенденции.

Связи Пселла с современниками — не только притяжения, но и отталкивания. История взаимоотношений писателя с людьми ему враждебными не менее, чем с друзьями, может дать богатый материал для характеристики его личности. Наиболее интересны в этом отношении сочинения, обращенные Пселлом к патриарху Михаилу Кируларию и временщику императрицы Феодоры Льву Параспондилу.

Отношения Пселла и Кирулария — одна из самых драматических страниц византийской истории XI в. В поведении Пселла, который должен был «добить» уже поверженного патриарха и составил для произнесения в синоде в 1058 г. длинную обличительную речь против того, кому раньше льстил, историки видели предательство, сервилизм и моральную растленность. Детальное рассмотрение взаимоотношений этих людей, хотя и не освобождает писателя от тяжких обвинений, тем не менее представляет события в значительно более сложном освещении. Пселл сыграл — вернее, должен был сыграть — зловещую роль в судьбе патриарха отнюдь не только потому, что, будучи человеком «без чести и совести», готов был любой ценой выполнить волю императора Исаака Комнина. На протяжении долгих лет Пселл испытывал к Кируларию чувство раздражения и неприязни, в котором тесно переплетались личные и общественные мотивы. Наиболее яркое выражение чувство это получило в речи (письме?), составленной незадолго до трагической развязки (Bibl. gr., V, № 207), где «ученый, добрый, снисходительный и земной» Пселл противопоставляется «презирающему науки», «жесткому», «суровому и отказавшемуся от всего земного» патриарху ²⁵.

Перед нами не простая перепалка между философом и священнослужителем, а явное противостояние двух противоположных нравственных типов человека. Четкое разграничение этих двух типов людей прослеживается и во взаимоотношениях Пселла с временщиком императрицы Феодоры Львом Параспондиллом. За исключением некоторых деталей Параспондил рисуется теми же красками, что и Кируларий. Так же как и константинопольский патриарх, он суров, замкнут в себе и недоступен всему земному. Отношение Пселла к Параспондилу также чрезвычайно напоминает его отношение к Кируларию: при внешнем почтении и даже восхищении — внутреннее неприятие и отстранение. Люди характера Параспондила, по Пселлу, вообще не имеют права заниматься государственными делами, земные заботы — не их удел ²⁶.

²⁴ См. М. М. Бахтин. Творчество Франсуа Рабле. М., 1965, стр. 157 сл.; А. П. Каздан. Византийская культура. М., 1968, стр. 162 сл.

²⁵ Подробно о взаимоотношениях с Кируларием см. наши статьи «Михаил Пселл и Михаил Кируларий», «Пселл в отношениях с современниками (Пселл и семья Кирулариев)».

²⁶ Подробно об отношениях с Параспондиллом см. Я. Н. Любарский. Пселл в отношениях с современниками (1. Михаил Пселл и Лев Параспондил).

В отношении к Кируларию и Параспондилу нашла выражение нелюбовь писателя к тому типу людей, которые наиболее полно воплощали в себе аскетическую тенденцию византийской культуры. В связи с этим инженерно рассмотреть отношение Пселла к тому сословию византийского общества, которое по своему положению должно было являться воплощением этих тенденций: монашеству.

Монашеская стихия со всех сторон окружала каждого византийца²⁷. Пселл не был в этом отношении исключением. Его отец и мать кончают свои дни в монастыре, друзья его юности еще в молодые годы принимают монашество, двое из них становятся константинопольскими патриархами, третий — митрополитом. На протяжении всей жизни Пселл находится в переписке с высшими духовными сановниками империи²⁸. В его письмах все время мелькают имена простых монахов, которым писатель просит своих влиятельных корреспондентов оказать покровительство²⁹. Целые монастыри (большей частью принадлежащие ему на правах *χαρτίκια*) пользуются покровительством писателя. Наконец, уже в возрасте 37 лет сам Пселл становится монахом.

В принципе писатель согласен признать превосходство аскетического образа жизни и монашеской простоты над изысканной интеллектуальной атмосферой, которой он старался окружить себя. «Я не так люблю искусных и мудрых мужей, как бесхитростных стариков вроде тебя: язык у них всегда в согласии с сердцем, речь сдобрена солью, а стиль письма простой, но одухотворенный», — отвечает Пселл некоему олимпийскому монаху. «Нелицемерный монашеский нрав» радует писателя, и он надеется успеть пожить среди удалившихся от суеты людей (*Bibl. gr.*, V, p. 262.13—17). «Молись за меня, чтобы я отрешился от мирской суеты и стал бы жить с вами», — пишет он некоему Пентактену, незадолго до этого принявшему монашество (*Scr. min.*, II, p. 142.8—10)³⁰. Декларации подобного рода — общее место византийской литературы. Как и всегда в этих случаях, внимание следует обращать не столько на прямой смысл трафаретных высказываний, сколько на тон, которым они делаются. Одно из подобного рода писем направлено двум хиосским монахам Никите и Иоанну (*Scr. min.*, II, № 36). Оба персонажа хорошо известны: это те самые монахи, устраивавшие совместно с некоей Досифеей запретные оргии и проприцавшие будущее, за покровительство которым Пселл сурово порицал патриарха Михаила Кирулария. Обвинительная речь против Кирулария, где повествуется об этом эпизоде, была написана в 1058 г.; в письме Пселл еще относится к Никите и Иоанну со всем почтением, следовательно, оно должно было быть написано до этого времени. В послании писатель представляет себя в виде кающегося грешника: он преисполнен гордыни своим знанием — *τοῖς ἀπὸ τῆς γυνώσεως ἀγαθοῖς* (*Scr. min.*, II, p. 58.20), до глубины души

²⁷ См. *P. Charanis. The Monk in Byzantine Society.* — *DOP*, 25, 1971.

²⁸ Наибольшее число писем Пселла обращено к антиохийскому патриарху (*Scr. min.*, II, № 82, 134, 135, 138, 139; *Bibl. gr.*, V, № 42, 61, 181, а также три неопубликованных письма — см. *P. Canart. Op. cit.*, p. 53, № 7, 8, s. 60, № 17; *G. Weiss. Op. cit.*, S. 33). Имя патриарха (Эмилиан, занимал престол в 70-е годы) указано только в леммах писем, сохранившихся в Эскуриальской рукописи. Все ли письма адресованы этому патриарху, неясно. Показания против такой атрибуции содержатся только в *Bibl. gr.*, V, № 42, относящиеся, скорее всего, ко времени Константина Мономаха. Ср. *G. Weiss. Op. cit.*, S. 33, Anm. 90. Эмилиана, по нашим предположениям, имеет в виду Пселл и в письме к Пофосу (*Bibl. gr.*, V p. 498; 7; см. *Я. Н. Любарский.* Пселл и фемные судьи, стр. 20—21). Как явствует из *Scr. min.*, II, № 88, послание составлялось писателем уже в немолодом возрасте. Пселла связывали с патриархом дружеские взаимоотношения, он ходатайствует за своих подопечных и в свою очередь предупреждает его о грозящей беде. Имеется в виду, видимо, решение Михаила VII доставить мятежного патриарха Эмилиана в Константинополь. С этим заданием был послан в Антиохию в 1074 г. Исаак Комнин.

²⁹ *Bibl. gr.*, V, № 31, 140, 158; *Scr. min.*, II, № 95, 166, 204, 205 и др.

³⁰ Тот же мотив встречается в письме и архимандриту Олимпа (*Scr. min.*, II, № 112). Эти письма, скорее всего, были написаны около 1054 г., в период, когда Пселл принял монашество и готовился к переселению в монастырь.

жалеет о собственной испорченности и вполне признает, что земное знание, которым он так гордится, не может помочь постижению божественного. Раскаяние это, однако, скорее идет от ума и абстрактного сознания долга, нежели от сердца; во всяком случае сам писатель признает, что он не страдает от своих « пороков » и не радуется « добродетелям ». « Нередко, наедине с собой, — пишет он, — мысленно кладу я на чаши весов свое достоинство. На одну — прегрешения против бога, на другую — то, что приобрел своим рвением из книг. Сравнив то и другое, я понимаю, что худого у меня больше, чем хорошего, но этим малым я горжусь сильнее, чем огорчаюсь многим » (Scr. min., II, p. 60.3—9). Таким образом, « книжное », земное знание, в преданности которому он как будто раскаялся, искупает для него даже прегрешения против господя. Такое « раскаяние » похуже любого упорства в « грехе »!

Естественно, что когда писатель сам столкнулся с необходимостью отречения от мира и ухода в монастырь, это решение превратилось для него в большую нравственную проблему. Его колебания нашли выражение не только в переписке с Ксифилином, где сомнения писателя ярко выступают на фоне твердости будущего патриарха. В письме, адресованном какому-то монаху (Scr. min., II, № 170), выражая, как и положено, желание уйти в монахи, Пселл тут же признает, что его отвлекают светские мысли (*φιλοκόσμοις ἀνακοπήμενοι λογισμοῖς*. — Scr. min., II, p. 194.7—8), и он находит утешение в эпистолярном общении с адресатом. Неприятие аскетических идеалов Пселл вовсе не считает нужным скрывать и во второй части похвального слова матери, созданного около 1054 г. Восхвалив вначале, как и положено, подвижничество матери, Пселл в конце недвусмысленно заявляет о своей неспособности следовать ее примеру: « Я могу восхищаться и испытывать восторг перед тобой, — обращается он к матери, — но подражать не в состоянии. . . » (Bibl. gr., V, p. 52.15—16). Заявление это Пселл сделал как раз в тот момент, когда сам должен был вступить на путь спасения души. . .

Против чрезмерного усердия в исполнении монашеских обетов Пселл считает своим долгом предупредить и других. Когда некий Симеон Кенхри — в прошлом человек в высшей степени светский (Bibl. gr., V, p. 286.30 sq.) — стал монахом, Пселл, выражая естественные восторги по поводу этого события, тем не менее предупреждает его от излишнего усердия (Bibl. gr., V, p. 286.18): « Не избирай безраздельного пути добродетели, а то оступишься ». Писатель предлагает Симеону « средний, поистине царский путь », на который он вступил сам (Bibl. gr., V, p. 286.26—27) и который несет с собой многие прелести ³¹.

Понятно, что близкие контакты писателя с монахами на Вифинском Олимпе, где он монашествовал в 1056 г., не приносят ничего, кроме взаимного разочарования и недовольства. Любопытное свидетельство этому — обмен ругательными посланиями между Пселлом и монахом монастыря Синкела Иаковом, имевший место, видимо, сразу после возвращения писателя в Константинополь. Играя на названии горы, где находился монастырь (Олимп), и, по естественной ассоциации, олицетворяя Пселла с Зевсом, автор эпиграммы Иаков утверждает, что Пселл-Зевс покинул Олимп, поскольку там не было его богинь (Bibl. gr., V, p. 177). Намек на женолюбие Пселла, засвидетельствованное в других случаях им самим, достаточно прозрачен ³². В ответ Пселл разражается длиннейшим посланием, пародирующим церковный канон и в разных видах варьирующим тему пьянства Иакова. Обвинение монахов в грехе пьянства обычно

³¹ Можно ли делать отсюда вывод, что Пселл писал это письмо будучи монахом, но находясь на царской службе, т. е. после 1056 г.?

³² Эпиграмма эта переведена М. Л. Гаспаровым в кн.: « Памятники византийской литературы IX—XIV веков ». М., 1969, стр. 288. Вряд ли нужно предполагать, как это делает автор комментария (там же, стр. 448), что под богинями имеется в виду императрица Феодора и ее свита.

для средневековья. Знаменательна форма инвективы — пародия на канон. Монотонность и бесконечное повторение, которое в состоянии выдержать только византийское ухо, сочетается в этом «каноне» с гиперболами и образами раблезианского типа³³.

Иakov — не единственный представитель монашеского сословия, который вступил в конфликт с Пселлом в связи со светскими пристрастиями последнего. Длинное ответное послание направил Пселл некоему монаху по имени Феревий (Bibl. gr., V, p. 167), недовольному тем, что писатель проводит время во дворце и общается с царями (Bibl. gr., V, p. 427. 10—11). На Феревия обрушивается поток обвинений в пристрастии к играм, флейтистам, обжорству и пр.

Отношение Пселла к монахам и монашеству достаточно однозначно. Пселл не испытывает никакой принципиальной неприязни к монахам как к сословию (ее, во всяком случае в четко выраженной форме, трудно представить себе в монашеской Византии XI в.), но совершенно очевидно избегает утрирования аскетических тенденций. В этом смысле линия его поведения оказывается удивительно последовательной на протяжении всей жизни. Вспомним, что Пселл — уже старик — горячо отговаривал друга своей юности Мавропода от ухода в монастырь.

Существенные штрихи к образу Пселла могут добавить и послания, не составляющие больших циклов, а направленные различным, часто анонимным адресатам, представляющие собой как бы деловую, будничную корреспонденцию высокопоставленного византийского чиновника. Такие письма образуют основную часть эпистолярного наследия и адресовались большей частью высшим столичным должностным лицам и провинциальным администраторам — судьям³⁴. Чаще всего эти послания представляют собой рекомендательные письма, просьбы или, напротив, обещания услуг. Судя по этим письмам, Пселл вольно или невольно находился в центре разветвленной системы связей, которая почти безотказно обеспечивала продвижение в чине, назначение на должность, уклонение от наказания и пр.

Любопытны мотивы, которые выдвигает Пселл, когда он ходатайствует за своих протеже. Автор писем почти никогда не упоминает достоинств рекомендуемого лица, зато постоянно ссылается на его «бедность» или тяжкое положение, скорее пытаясь воздействовать на чувства христианского милосердия у адресата, нежели убедить его в целесообразности оказания протекции. Но христианское милосердие — не единственное чувство, к ко-

³³ Сочинение в стихах аналогичного типа, исполненное отборных ругательств, направил Пселл и некоему монаху Савваиту (Scg. min., I, p. 220 sq.). Об этом же Савваите см. Bibl. gr., V, № 35. Временные рамки для стихов против Савваита можно установить только очень приблизительно. В период его написания правил император (мужского пола), который «отдал ключи от неба познавшему Христа» (Scg. min., II, p. 76—77). Из метафоры ясно, что в царствование этого императора был рукоположен патриарх. Таким образом, стихи могли быть написаны в периоды правления: 1) Константина IX Мономаха (рукоположен Михаил Кируларий), 2) Исаака I Комнина (рукоположен Константин Лихуд), 3) Константина X Дуки (рукоположен Иоанн Ксифилин). Первая возможность представляется нам маловероятной, хотя именно на ней настаивает Л. Штернбах (Ein Schmähgedicht des M. Psellos). — «Wiener Studien», 25, 1903, S. 14). По мнению ученого, разделившего точку зрения Б. Родюса, письмо Bibl. gr., V, № 35, в котором также упоминается распря с Савваитом, относится к 1053—1054 гг., так как там речь якобы идет об Элпидии, неудавшемся зяте Пселла, которого тот называет сыном и которого он аттестует адресату в качестве судьи Армениака. Однако *ὁ δὲ* никак нельзя безоговорочно отнести к Элпидию, во-первых, потому, что слово это не обязательно должно в эпистолографии обозначать родство или свойство, во-вторых (если уже стать на точку зрения Родюса—Штернбаха), таким образом мог быть назван и новый зять Пселла. Не выдерживает критики также атрибуция письма Bibl. gr., V, № 35 Иоанну Мавроподу. Письмо явно обращено к митрополиту Амасии, последний же отнюдь не идентичен митрополиту Евхаит. Характерно, что наиболее резкие сатирические произведения адресуются Пселлом представителям монашеского сословия!

³⁴ Отношения Пселла с провинциальными судьями посвящена наша статья «Пселл и фемные судьи».

торому апеллирует писатель. На страницах этой части корреспонденции постоянно встречается уже примелькавшееся понятие *φιλία*. В данном случае, однако, оно применяется уже не в письмах к интимным друзьям и даже не близким знакомым, а к весьма широкому кругу людей, часто едва известных автору. Вместе с расширением круга лиц, входящих в сферу действия *φιλία*, необычайно расширяется и само это понятие, которое скорее следует переводить словом «дружелюбие», а не «дружба»³⁵.

Φιλία предполагает определенный кодекс, основные положения которого сводятся к следующему. *Φιλία* всемогуща, особенно если она связывает людей разумных и деятельных; у друзей все общее; истинный друг не медлит исполнять просьбы; ходатайства за друга и исполнение его просьб — удовольствие, поскольку оно — лучшая возможность проявления дружеских чувств; друг моего друга — мой друг и т. д.

Традиционная античная *φιλία*, соединяясь с идеями христианского милосердия, переводится в полуделовой переписке в практический план и становится мотивом реальных поступков и действий. Как универсальная личностная связь *φιλία* оказывается для Пселла своеобразным субститутотом государственных отношений и даже приходит в противоречие с правовыми нормами и «справедливостью» (*δικαιοσύνη*). В связи с этим приходится признать несправедливой или во всяком случае не вполне справедливой точку зрения ряда исследователей, согласно которой Пселл — лишь тип коррумпированного и разложившегося чиновника — «печальное порождение печального времени»³⁶. Коррупция — всегда нарушение или разложение какой-то устоявшейся системы. *Φιλία* же, по мотивам которой действовали высокопоставленные византийцы, в том числе Пселл, — сама представляла собой уже сложившуюся систему со своими нравственными ценностями и нормами. То, что, например, для жестоко порицавшего Пселла русского ученого П. Безобразова, жившего в условиях коррупции бюрократического аппарата царской России, представлялось лишь бесстыдным нарушением законности, для византийского писателя было выполнением определенных требований кодекса *φιλία*.

Разбирая отношения Пселла с современниками, мы намеренно обошли молчанием одну категорию лиц, с которыми писателя связывали самые тесные узы на всем протяжении его жизни, — византийских императоров. Увлекательная сама по себе тема Пселл — императоры неминуемо привела бы нас к кругу проблем, выходящих за рамки настоящей работы. Кроме того, письма и панегирики писателя василевсам по необходимости превращались в выражение верноподданнической преданности и восхищения, за которыми, как правило, почти до конца скрывалась личность автора. И только для двух византийских самодержцев, как нам кажется, следует сделать исключение, поскольку в отношениях с ними достаточно ярко проступает индивидуальность автора, — Константина X и Михаила VII Дука. Образы царственного отца и сына (особенно последнего) в «Хронографии» и других произведениях лепятся Пселлом в соответствии с его представлениями об идеальном императоре. Ко второму из них глагол «лепить» может быть применен не только в смысле литературного изображения. Как воспитатель молодого императора Пселл принимал самое непосредственное участие в формировании личности Михаила.

Отцу и сыну одинаково свойственны традиционное царское человеколюбие (*φιλανθρωπία*), кротость (*πραότης*), скромность (*σωφροσύνη*), справед-

³⁵ Несовпадение понятий *φίλος* и *φιλία* со значением, соответствующим в новых языках «другу» и «дружбе», давно отмечалось филологами уже для эллинского времени. «Слова *φίλος* и *φιλία* употребляются не для обозначения тесной связи, но для характеристики хороших отношений со всевозможными нюансами» (*H. Koskeniemi. Op. cit., S. 116*). Слова эти употреблялись даже в отношении деловых партнеров (см. *F. Preisigke. Wörterbuch der griechischen Papyruskunden. Berlin—Göttingen, Bd. II, s. v.*).

³⁶ Эта точка зрения отчетливо представлена у П. Безобразова (*П. Безобразов. Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл. М., 1890, стр. 189 сл.*).

ливость (*δικαιοσύνη*), их отличает необыкновенная любовь к наукам и ученым. Все эти свойства без сомнения входят в традиционный набор императорских *ἀρεταί*, однако в других случаях у Пселла они — равноправные детали в мозаике из добродетелей. В изображении Константина и Михаила они — доминирующие качества. Оба «мирных» и «кротких» василевса противопоставляются «воинственным» самодержцам типа Исаака Комнина и Романа Диогена, чья активная внешняя политика вызывает осторожное неодобрение писателя.

В отношениях Пселла с Дуками как будто встречается та редкая в истории ситуация, когда извечная проблема «поэта и царя» находит положительное решение: писатель не только принят и признан при дворе, но его идеальные представления получают воплощение в политике и в самом облике ученых и «милостивых» императоров. Однако на деле альянс писатель-василевсы был далек от той идиллии, которая царствует в сочинениях Пселла. Атмосфера 60-х и особенно 70-х годов в Византии — атмосфера кануна краха. Другие современные или жившие несколько позже писатели (Атталиат, Продолжатель Скилицы, Зонара и др.) остро ощущали несовместимость императорских «ученых забав» с Пселлом и обстановки, когда само существование империи находилось под угрозой. В их глазах отношения писателя с царственными Дуками, и особенно Михаила, приобретали трагически-фарсовый характер «пира во время чумы». Таковыми в какой-то степени они и были. Не знающее границ упоение ученостью и знанием заставили Пселла и его коронованного ученика абстрагироваться от суровой реальности и навлечь на себя презрительное осуждение современников ³⁷.

Вскоре после отречения Михаила Пселл исчезает с исторической арены. Никаких отчетливых свидетельств о его деятельности после 1078 г. у нас нет.

* * *

Мы проследили отношения Пселла с разными его современниками, как бы «раздробив» образ писателя, в надежде на новый синтез. Настало время подвести итоги.

Письма Пселла пронизаны терминологией и духом *φιλία*, предстающей на разных уровнях, имеющей ряд градаций. Ее высший уровень — утонченная интеллектуальная дружба, связывающая писателя с Мавроподом, Лихудом, молодым Ксифилином и другими современниками. Ученость составляет основу этих отношений, общие интеллектуальные интересы и общее мироощущение с оттенком эстетизма — ее душу. В некоторых случаях этот тип *φιλία* приобретает свойства эпикурейско-горацианской дружбы, когда, помимо ученых занятий, партнеров связывает общность жизненных отношений, которое с известной натяжкой можно назвать гедонистическим. Иногда (в отношениях с Иоанном Дукой, например) эпикуреизм даже отступает на второй план интеллектуальные связи.

Другой уровень *φιλία* — широко трактуемые личностные связи между людьми, принадлежащими к господствующему классу, связи, подрамевающие определенные взаимные обязанности партнеров и кодекс поведения. Как уже отмечалось, эта *φιλία* выступает в некотором роде субститутотом официальных государственных связей. И наконец, последняя градация *φιλία* — вообще доброжелательное отношение к людям, даже едва знакомым ³⁸. Это уже самый низкий уровень, за которым могут следовать равнодушие и открытая неприязнь.

³⁷ Подробно см. Я. Н. Любарский. Пселл в отношениях с современниками (2. Михаил Пселл и Дуки), стр. 77—83.

³⁸ Насколько тонкой и малозначительной бывает связь при такого рода *φιλία*, показывает письмо Пселла Scg. min., II, № 216. «Не допусти, чтобы задержка с присылкой *ἀραβικὸν ξυλάριον* (арабской трости?) испортила нашу дружбу», — пишет Пселл своему корреспонденту.

Для своего бесперебойного функционирования *philía* нуждается в постоянном поддержании и обновлении, и лучшим средством для этого является обмен письмами, часто в сопровождении подарков. Нарушение в нормальном функционировании этой системы вызывает упреки, раздражение и разочарование корреспондентов. Отсюда обычный в византийской эпистографии мотив горьких упреков за молчание ³⁹.

Итак, *philía* — отнюдь не только традиционная топка позднеантичной и византийской эпистографии, как можно было бы подумать, встречая «дружескую» терминологию в письмах на протяжении добрых полутора десятка веков. Само существование указанной терминологии и топки (во всяком случае для XI в.) объясняется той ролью, которую играет это понятие в идеологии верхушки византийского общества.

Можно утверждать и большее. Понятие *philía* в XI в. имеет и некоторую социальную окраску. Ее культ разделяется отнюдь не всеми прослойками правящего класса. Монашеско-аскетические круги, выразителем идеологии которых в начале XI в. был Симеон Новый Богослов, презирали *philía*, полагая, что она, наряду с ученостью отвлекает человека от аскезы ⁴⁰. Тенденция эта продолжалась и при жизни Пселла. На таких позициях стоял нравственный и интеллектуальный антипод писателя Михаил Кируларий. Эти же идеи усвоил принявший монашество Ксифилин. Интересно, что Михаила Кирулария связывала с Симеоном отнюдь не только идейная преемственность: сподвижник Кирулария Никита Стифат был ближайшим учеником Симеона. Против пренебрежения *philía* Кируларием и Ксифилином Пселл выступал резко и неоднократно. Таким образом, культ *philía* характерен прежде всего для интеллектуальной элиты византийского общества с определенными светскими тенденциями.

Каким же является Пселл в своих многочисленных и многообразных связях с современниками? Сам писатель неоднократно пространно рассуждал о сложности и противоречивости человеческой природы ⁴¹. Вряд ли следует пытаться подвести под однозначные определения и его самого. Речь может идти только об основных, ведущих тенденциях личности, существование которых также им охотно допускалось.

Интеллект Пселла, столь ярко проявившийся в его связях с Мавроподом, Лихудом, молодым Ксифилином и рядом других ученых его друзей, — интеллект человека гуманистического или, вернее, предгуманистического склада. Этот интеллект горд своей избранностью, упоен могуществом и превосходством над окружающими и прямо противостоит склонной к самоуничтожению смиренной христианской учености. Эта «упоенность» нередко выливалась в тщеславие и неприкрытое хвастовство, вызывавшее сильное раздражение у исследователей нового времени.

Помимо традиционного для образованного византийца уважения к знанию мироощущение Пселла, равно как и некоторых его корреспондентов, включает в себя определенный эстетизм и то отношение к жизни, которое мы условно охарактеризовали как эпикурейско-горацианское. Нет нужды

³⁹ Византийцы умели великолепно пользоваться системой *philía* для достижения своих целей и прекрасно знали, по какому адресу им следует каждый раз обращаться. Пселл нередко служит передаточной инстанцией для просьб и делает это явно небескорыстно, ожидая, видимо, подобных услуг и для себя. В одном случае он в подкрепление своего ходатайства указывает, что его протеже — человек, близкий к императору (Bibl. gr., V, № 133). В письме к патриарху Антиохии (Bibl. gr., V, № 61, лемма не бесспорна) Пселл отмечает, что монах, за которого он просит, обратился именно к нему, поскольку только его ходатайство может иметь успех у адресата.

⁴⁰ См. А. П. Каждан. Предварительные замечания о мировоззрении византийского мистика X—XI вв. Симеона. — BS, 28, 1967, p. 20 sq. Пренебрежение *philía*. Каждан отмечает также и для современника Пселла Кекавмена. С нашей точки зрения, у Кекавмена нет однозначного отношения к проблеме дружбы.

⁴¹ См. Я. Н. Любарский. Исторический герой в «Хронографии» Михаила Пселла. — ВВ, 33, 1972, стр. 94 сл.

объяснять, что то и другое резко противоречит монашеско-аскетической идеологии. Этот приобретенный еще в юности «идейный субстрат» оказался в натуре Пселла весьма устойчивым и долговременным. Лучшее тому доказательство — эволюция отношений Пселла с Ксифилином: к воздействию монашеской идеологии писатель оказался несравненно более стойким, чем друг его юности. Противоречие между этой стороной натуры писателя и «официальной» нравственной доктриной, которую он обязан был исповедывать, привели к метаниям и непоследовательности поступков Пселла, равно как и к противоречиям в отношениях с людьми.

С «эпикурейством», возможно, связана и другая черта личности Пселла, которую, казалось бы, трудно совместить с представлениями об утонченном философе и человеке элиты, — его влечение к той стороне жизни, которую с ригористических позиций строгой Византии нельзя было не оценить как «низменную». Юноша Пселл, не в силах пропустить празднество, не является на занятия к учителю; уже принявший монашество, в возрасте за сорок, он ищет возможностей посетить веселую свадьбу своего ученика; наконец, уже очень немолодой писатель отличает шута и балагура Илью, находя особое удовольствие в его фиглярстве и непристойных рассказах. Стихия «низа», как это случалось в средневековье, как бы компенсирует метафизическую абстрактность занятий и вольный или невольный аскетизм жизни писателя.

Пселл и его ближайшее окружение жили в определенном нравственном климате с его этическими нормами и категориями. Сострадание, душевная мягкость, прощение человеческих слабостей, нравственная гибкость — таков ряд этических категорий, исповедуемых писателем. Нетрудно видеть, что и он противостоит нравственному ригоризму монашеских кругов. Безусловно, грани между «нравственной гибкостью» и моральной беспринципностью, а то и прямым предательством часто бывают едва различимы, и Пселл, как никто другой, умел их переступать. Достаточно вспомнить поведение Пселла с Романом Диогеном и в определенной мере с Михаилом Кируларием, чтобы проиллюстрировать это утверждение, хотя мотивы его действий, особенно в последнем случае, много сложнее, чем думают некоторые исследователи. Но, даже отвлекаясь от этих исторических трагедий, активным действующим лицом которых не случайно оказался писатель, в своем рядовом, ежедневном поведении, в «бытовой» морали Пселл проявляет себя человеком, постоянно готовым к компромиссам и маневрированию, проявлениям сервизма. Эти свойства — обратная сторона «нравственной гибкости» — особенно бросаются в глаза при сравнении его с прямым и твердым в своих принципах Мавроподом.

Говоря о «гуманистических», — вернее, «предгуманистических» — чертах личности Пселла, нельзя обойти молчанием и то обстоятельство, что таковыми же по своему типу были и функциональные связи писателя с окружающим миром и людьми. На протяжении почти всей жизни Пселл объединял в себе функции государственного деятеля, философа, риторика. Этот свойственный Ренессансу идеал соединения активной политической, ученой и литературной деятельности не только воплощался на практике, но и активно защищался им в ряде трактатов и писем. В сфере чисто интеллектуальной деятельности Пселл входит в состав ученых кружков, функционирование которых также чрезвычайно характерно для европейского гуманизма. И наконец, отношения Пселла с Дуками («просвещенные монархи» — придворный философ и наставник, образованный *bon vivant* и авантюрист Иоанн Дука и его ученый и снисходительный друг) — прообраз аналогичных связей, нередко устанавливавшихся в ренессансной Европе. Однако и в данном случае Пселл сумел переступить тот порог, который отделяет высокое от низкого, доблестное от смешного: его научно-литературные занятия с Михаилом VII на борту тонущего корабля империи закономерно вызвали насмешливое презрение современников.

Сделав попытку рассмотреть личность Пселла, мы не обнаружили в ней почти ни одной черты, поддающейся однозначному определению или оценке. Грани его образа нечетки и размыты, одни свойства переходят в другие, и почти ни одно из них нельзя занести только в нравственный «актив» или «пассив» писателя. В этом отношении Пселл мог бы занять достойное место в галерее лучших образов, созданных им в «Хронографии».

Эта усложненность и антиномичность внутреннего мира византийского интеллектуала XI в. сама по себе — знаменательное явление для того периода Византийской истории, которое с достаточными основаниями характеризуют как предгуманизм ⁴².

⁴² Еще К. Дитерих (*K. Dieterich. Byzantinische Charakterköpfe. Leipzig, 1908, S. 79*) указывал на сходство личности Пселла с выдающимися деятелями итальянского Ренессанса, в частности с Пьетро Аретино. Как всякие исторические аналогии, эти уподобления могут вызвать немало возражений, тем не менее действительные — существенные и не случайные! — черты сходства нельзя игнорировать.